

- У хорошего кайчи в ходу до 50 оттенков наигрышей, - раскрывал секреты древнего творчества Владимир Егорович. - По их числу уже можно судить о мастерстве рассказчика. Когда Прокопий Никанорович Амзоров входил в образ своего героя, его голос настолько крепчал, что звенела железная заслонка русской печи.

Именно у этого старого охотника перенял Таннагашев секреты древнего искусства кая. Работать ему пришлось в шахте, чтобы прокормить многочисленную семью, но комуса он не бросал, а кай в его исполнении звучал все лучше. Впервые слушатели оценили его исполнение на возрожденном шорском празднике пайраме в 1991 году в Красном Яре. И это было открытием, а точнее возвращением древнего искусства. И стал Владимир Таннагашев желанным гостем на многих праздниках.

Сегодня он думает о том, кому передать свое искусство. Есть молодые с подходящими вокальными данными, да вот беда, сокрушается кайчи, совсем плохо знают они шорский язык. Удивительно, но факт: традиционное шорское искусство столкнулось с языковым барьером.

* * *

Если читателю наскучили рассказы о писателях и поэтах, то вот вам, пожалуйста - художник. Василий Лазаревич Чульжанов. Человек удивительной судьбы и редкого таланта....

О чем может мечтать мальчишка из глухой шорской деревни Акколь, в тринадцать лет потерявший отца и вместе с матерью, как старший в семье мужчина, взваливший на себя все заботы по дому?

Он мечтал стать человеком образованным. В школу они с сестрой Зоей ходили из Акколя в Мыски пешком, пробиваясь осенью через непогоду и слякоть, а зимой по занесенной бураном тропинке. И не пропустили ни одного дня занятий. Это неудержимое стремление к знаниям отличало детей Чульжановых от других ребятишек из их улуса. Мечтал Василий, у которого рано обнаружился талант художника, поступить в Ленинградскую академию художеств. Все родные верили, что так оно и будет, что их Вася добьется своей цели. Но его мечтам не суждено было сбыться. Ему, как и многим другим сверстникам, помешала война. Его призвали не сразу, а когда учителей стали забирать на фронт, направили учительствовать в самую глушь, в поселок Ивановку. И лишь в начале сорок второго - призыв в армию.

Его рассказы о войне до сих пор помнят ученики. О том, как хороша страна Болгария и крепка фронтовая дружба. Портреты фронтовых друзей, эпизоды войны - это были тогда его самые серьезные и бережно хранимые художественные работы.

Его младшая сестра Зоя Лазаревна Чульжа-

нова вспоминала, что брат вернулся с войны «голыми коленками», но привез с собой этюдник, краски и хорошие кисти. Разумеется, о том, чтобы стать профессиональным художником, не было и речи. Для этого нужно учиться, но разве оставишь семью, хозяйство которой за годы военного лихолетья пришло в полный упадок?

Он пошел работать учителем, как и до войны. В большом районе было немало школ, а большинство учителей полегли на фронте. Поступил учиться в Сталинский пединститут на физико-математический факультет. Любовь к точным наукам была у него в крови, и это, возможно, определило приверженность к такому точному художественному жанру, как графика.

Он был хорошим учителем, ребятами его любили, и он любил свою работу. Но душа рвалась к прекрасному, к творчеству. Наверное, если уж ты родился художником, то никуда с этого пути не свернуть. Тем более, когда живешь в таком живописном краю, как Горная Шория.

Помогло серьезное увлечение фотографией, а это ведь тоже художественное творчество, если снимать, а не просто щелкать затвором. И главной героиней его снимков была природа родного края. Выписал журнал «Советское фото» и старался подходить к делу профессионально. Приобрел даже фоторужье.

Поражаешься разносторонним дарованиям Василия Чульжанова. В одно прекрасное время он всерьез увлекся музыкой. По самоучителю выучился играть на мандолине, а это не каждому дано. И стал петь песни - русские, шорские, сам сочинял песни на шорском языке и распевал их в лодке на Томи или Мрассу. Освоил скрипку и стал исполнять серьезные классические произведения.

Остается только удивляться, как один человек столько успевал в жизни. Заочная учеба в институте, нелегкая учительская работа и директорство в Сыркашинской школе. Председатель общества охотников и рыболовов и борец с браконьерством, капитан школьной волейбольной команды. А по вечерам, вернувшись с охоты или рыбалки, еще выкраивал время, чтобы записать свои впечатления от очередного свидания с природой. Он словно торопился жить, и не зря! Однажды во время своих походов стал чувствовать недомогание, которое поначалу списывал на ранение и контузию. Но врачи поставили безжалостный диагноз - туберкулез, который в то время толком не лечили. Болезнь приобрела открытую форму, а это означало запрет на работу с детьми.

Конечно, все это было тяжело, но не такой Чульжанов человек, чтобы сдаваться недугу. Он прекрасно проявил себя в вечерней школе. И писал свои картины. Журнал «Творчество», который он выписывал и внимательно изучал, помог прийти к искусству линогравюры, то есть выйти на свою стезю. В домашних условиях под самодельными рез-

цами на куске простого линолеума родилась первая гравюра, и художник понял, что это то, к чему он шел всю жизнь. В какой-то степени его приход к линогравюре определило давнее увлечение рисунком пером и тушью, требующим от художника особого тщания и ювелирной точности.

Василий ЧУЛЬЖАНОВ. Линогравюра «Охотник»

В какой-то степени закономерным был и его приход в журналистику. Редакция маленькой и скромной, но всегда любимой читателями Мысковской районной газеты «Путь к победе» с удовольствием принимала работы В. Чульжанова в качестве иллюстраций. Сюда же он приносил и свои литературные опыты. Оформлял праздничные номера, выступал с гневными и смелыми статьями о браконьерах. Читатели очень тепло отзывались о его творчестве и ждали появления новых статей, очерков и зарисовок.

Штатным сотрудником газеты он стал, когда по состоянию здоровья был вынужден навсегда оставить школу. Приживаться в редакции ему было не нужно. Создавалось впечатление, что он всегда тут и работал. Журналист должен быть человеком разносторонне развитым, а уж этого у Чульжанова было не отнять.

О нем еще много можно писать, но по понятным причинам мы ограничены в этом стремлении. отошлем читателя к статьям Юрия Панова в Мысковской городской газете «Вариант» за 2000 год и его небольшой книжке о Василии Лазаревиче Чульжанове, изданной в Мысках скромным тиражом. А поводом для издания явилось событие, до которого художник, к сожалению, не дожил. 18 декабря 1999 года он словно вернулся к нам из небытия и забвения: в Мысковской картинной галерее состоялась его персональная выставка. При жизни он о таком и не мечтал, щедро раздаривая друзьям свои работы. А они бережно сохранились, и сегодня стараниями земляков, прежде всего художника Василия Елесина, мы можем наслаждаться творческим наследием талантливого сына шорского народа.

* * *

«Учитель мой, пред именем твоим позволь смиренно преклонить колени». Известная нам с детства фраза. Но лишь когда мы стареем и мудреем, то познаем во всей полноте ее глубокий смысл.

Шорские учителя были звездами первой величины в плеяде народных талантов. Учителями становились лучшие из лучших, самые грамотные и талантливые, добрые и душевные. Учителями были многие из людей, о которых мы уже рассказали. Не умолчим и о других.

Замечательная женщина, в прошлом тоже учитель, Нина Владимировна Тотышева поведала нам о самых первых шорских учителях на страницах газеты «Вариант».

На рубеже XIX - XX веков разбогатевшие купцы-шорцы часто бывали на ярмарках в крупных городах Сибири. Им, малограмотным, трудно было вести торговые дела. И они первыми из шорцев поняли необходимость образования. Но ребяташки не могли учиться, так как не знали русского языка. Не было и учителя, да и самой школы с подходящим помещением.

В конце позапрошлого века в Красном Яре умер зажиточный человек Василий Кыдыяков, хозяин двухэтажного дома. Наследников у него не было, и он завещал открыть здесь молитвенный дом. Первый этаж этого молитвенного дома и отдал под школу. С 1903 года здесь начал учить детей грамоте учитель из Усть-Анзаса Павел Тихонович Отургашев. Сюда ходили учиться ребяташки из Акколя, Тетензы и других сел. Затем школу перевели в Мыски.

После первой мировой и гражданской войн многие дети остались сиротами. Для них в 1920 году в доме богатого бая Федора Тотышева, убитого роговцами, открыли интернат, в котором работали учителями Иван Иванович Тотышев, Александр Дмитриевич Кусургашев, Федор Кузьмич Тельгерек, Проколий Николаевич Майнаков, Георгий Дмитриевич Чульжанов и другие.

Потребность в грамотных педагогах возрастала, поэтому через Томское губоно стали посылать в Томск на рабфак юношей и девушек шорской национальности, даже не окончивших среднюю школу. Первая группа из 10 человек уехала учиться в 1923 году.

После рабфака самые способные поступали в вузы, прежде всего в Томский университет.

Братья Павел и Василий Тотышевы после окончания университета вернулись на родину. Они учительствовали, а в годы войны вместе с отцом и младшими братьями воевали на фронте. Отец погиб под Смоленском, а все четыре брата вернулись в Горную Шорию.

Бывший рабфаковец Трофим Михайлович Кыдыяков, также получивший высшее образование, работал учителем в Кабырзе и Мысках. Погиб на фронте в 1943 году.

По рассказам своего отца я знаю, как жили в